

Я.В. Васильков (Санкт-Петербург)

ЧТО НОВОГО МЫ УЗНАЛИ О ЖИЗНИ ГЕРАСИМА ЛЕБЕДЕВА В ИНДИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

В 2005 г. Никита Владимирович Гуров инициировал и возглавил проект «Научное наследие первого русского индолога Г.С. Лебедева (1749–1817)», в котором участвовали как исполнители Е.К. Бросалина, Я.В. Васильков и Е.Р. Крючкова. За три года исследований удалось сделать немало, в частности, ввести в научный оборот ряд лебедевских архивных материалов, которые ранее даже не были правильно идентифицированы или оставались известными лишь по названиям. С результатами деятельности группы можно ознакомиться на сайте Института лингвистических исследований РАН (<http://iling.spb.ru/projects/lebedev.html>), где помещены в формате PDF тексты основных работ Г.С. Лебедева и статьи о нем, подготовленные участниками проекта.

В Москве изучением биографии и наследия Г.С. Лебедева плодотворно занимался А.А. Вигасин [Вигасин 2008: 37–47]. Недавно возник центр по изучению лебедевского наследия на предполагаемой родине путешественника — в Ярославле, где в декабре 2009 г. была проведена международная конференция с участием индийских ученых [Герасим Лебедев и его время, 2010]. Участники петербургской группы, потеряв своего руководителя, Н.В. Гурова (1935–2009), продолжают работать по темам, связанным с наследием Г.С. Лебедева (см., например: [Васильков 2010; Васильков 2011; Крючкова 2011; Vassilkov 2011]). В частности, под руководством Е.К. Бросалиной петербургскими учеными осуществлен перевод с бенгальского монографии о Лебедеве бангладешского ученого, профессора Хаята Мамуда. Эта книга, впервые знакомящая россиян с некоторыми фактами жизни и деятельности Лебедева в Индии, а также с давней и богатой

традицией изучения лебедевского наследия бенгальскими учеными, только что издана в Ярославле [Мамуд 2012].

В этой статье я попытаюсь кратко суммировать только результаты работ в направлении, которое наметил Н.В. Гуров в последний год жизни (см. его статью, публикуемую в настоящем сборнике). Установленный им факт принадлежности к масонству большинства корреспондентов Лебедева оказался чреват очень серьезными следствиями. Он предоставил нам возможность впервые правдоподобно объяснить исключительно своеобразную лебедевскую интерпретацию индуизма, которую прежние исследователи либо игнорировали, либо давали ей малоубедительные объяснения.

В своих основных сочинениях — опубликованном «Беспристрастном созерцании систем Восточной Индии брамгенов...» (1805; далее — БС) и рукописном «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания Арифметики...» (Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 90, оп. 1226, ед. хр. 1, 2. См. также: РГАЛИ. Ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6081; далее — СОА) — Лебедев последовательно исходит из того, что религия «брамгенов» является по сути дела христианством.

Он усматривает в известной триаде (*тримурти*) верховных индуистских богов (Брахма, Вишну, Шива) «неслиянную единую Троицу, называемую на их языке Тройко». Бога Брахму (Бромго) он рассматривает как «Творца небу и земли и всех видимых и невидимых тварей» (формула «Символа веры»). Имя «второго Троицы лица» — Вишну — он заменяет именем его земного воплощения Кришны, к тому же в форме, намекающей на тождество этого персонажа с Христом (Кришто, Криштньо или Криштна), называя также Кришну ниспосланным на Землю «воплощением Сына Божия». В качестве «третьего тройческого лица» у Г.С. Лебедева, в силу известной последовательности индийской Тримурти, фигурирует «Шиб» или «Шив», т.е. Шива. Лебедев называет его «преобразителем» и «обновителем», говорит, что ему приписывается «правление жизни и смерти всех живущих на земле людей». Однако какое-либо соответствие между Шивой и Святым Духом христианства обнаружить весьма трудно, поэтому индийская «Троица», по Лебедеву, «совокупно

с пресущественным неисповедимым духовным существом» образует четырехипостасное единое Божество (СОА). В качестве этого «духовного существа», четвертой ипостаси, имеется в виду «Адги Атма <...> Душа вселенной», т.е. индуистское понятие *adhyaṭmā* в одном из возможных значений — «Вышний дух», действительно нечто вроде Души вселенной.

Богиню Дургу Лебедев отождествляет с «Божественной Премудростью», т.е. Софией, Премудростью Божией, но называет ее при этом также «Матерью и Млекопитательницей» Кришны, иначе говоря — индийским эквивалентом Богородицы, что не имеет реальных оснований. Он также приписывает индийцам культ духовных существ, отождествляемых им с девятичленной иерархией ангелов; у индийцев, однако, подобной классификации нет. Значительные схождения (безусловно, кажущиеся) Лебедев обнаруживал также в индуистской и христианской обрядности (христианское крещение и индийская практика ритуальных омовений, причастие и индуистский *прасад*).

Полагать, что Лебедев пытался таким образом объяснять незнакомое и непонятное через то, что хорошо знакомо, в духе так называемой «греческой интерпретации» (*interpretatio Graeca*), значит представлять его человеком с наивным, архаическим сознанием, каковым он не был. Высказанное недавно предположение, что Лебедев стремился таким способом защитить описываемую им индийскую культуру от конфессиональных предубеждений [Вигасин 2008: 45], наоборот, представляет его человеком слишком расчетливым и лукавым. Лебедев, как мы знаем (см. статью Н.В. Гурова в этом сборнике), искренне верил, что открытое им индийское «христианство», максимально близкое к Откровению, которое было дано Человеку в начале времен, способно произвести духовный переворот не только в «российских обществах», но и во всем христианском мире.

В докладе, который мы готовили совместно с Никитой Владимировичем для конференции в Ярославле и который, ввиду его внезапной кончины, представлять пришлось мне одному, мы стремились показать, что все особенности интерпретации индуизма Лебедевым объясняются тем, что он воспринимал индийскую религию через призму масонских идей. Например, в СОА

Лебедев пересказывает по-русски некоторые места «Бхагавадгиты», при этом он превращает диалог Кришны с Арджуной в откровение, которое второе лицо индийской «Троицы» (по Лебедеву — Криштью) возвещает только что сотворенному Богом-Отцом (Брормго = Брахма) Первочеловеку [Васильков 2006: 31–35]. Подобная трансформация была бы совершенно необъяснима, если бы мы не знали, что, согласно взглядам современного Лебедеву масонства, христианское учение вкупе с обрядовым таинством были даны как откровение Адаму до его грехопадения [Лучинский 1902: 512; Гагарин 2002: 133]. В БС есть гравюра, изображающая, по-видимому, первосущество, или космического первочеловека, возлежащего среди вод на древесном листе. Источником был, очевидно, образ Вишну-Кришны, плавающего после конца света в безграничных водах на листе дерева ашваттха. Но изображение человеческой фигуры практически совпадает с образом «возрожденного человека» (т.е. вернувшегося, по-видимому, в райское состояние) из масонской книги того времени. Особенно примечательны в обоих случаях проведенные циркулем круги с неким символическим значением на теле «первочеловека» (см.: [Васильков 2011: 168, рис. 1]).

Выстраивая свое описание системы индуизма, Лебедев рассматривал сначала представление о едином Боге в трех или четырех ипостасях и сразу за этим — иерархию ангельских чинов. Это — стандарт, принятый в сочинениях популярных у масонов мистических писателей, Бёме и Сведенборга. Повышенный интерес масонства к ангельским чинам сказался и в публикации Н.И. Новиковым в 1784 г. перевода известного трактата св. Дионисия Ареопагита (Псевдо-Дионисия) «О небесной иерархии». С взглядами масонов связывают Г.С. Лебедева и его попытки найти в «богословской системе» индуизма соответствие Софии, Премудрости Божией. Софию-Премудрость масоны отождествляли с сутью своего тайного учения, именуя себя при этом «женихами Софии». Исключительный интерес к этому образу они унаследовали от восходящей к античности традиции европейского эзотерического гностицизма.

В сочинениях Лебедева можно обнаружить исключительно масонскую терминологию и фразеологию (например «любому-

дрие», «любомудрый», «любомудрцы», «ключ к тайнствам природы» и т.п.). Но наиболее убедительно говорит о его масонских взглядах то, что Лебедев полагал свое «открытие» индуизма содействующим осуществлению высшей цели вольных каменщиков — обновлению христианства и выявлению общего стержня всех религий.

В статье, помещенной в этом сборнике, как и в опубликованных ранее тезисах [Гуров 2009; Гуров 2010], Никита Владимирович впервые указал на принадлежность к масонству нескольких лиц из числа корреспондентов и покровителей Лебедева: графа А.К. Разумовского, с посольской капеллой которого Лебедев оказывается в 1777 г. в Вене, а также двух свидетелей встречи Лебедева в 1782 г. с цесаревичем Павлом Петровичем: князя А.Б. Куракина и офицера флота, советника цесаревича по морским вопросам С.И. Плещеева.

Дальнейшие поиски в этом направлении существенно дополнили список. Выяснилось, в частности, следующее. Третьим свидетелем общения Лебедева с наследником престола был покровитель Лебедева, по-видимому знавший его семью, Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815). В 1782 г. он сопровождал «графа и графиню Северных» (Павла Петровича с супругой) в путешествии по Европе как их духовник и «капеллан», а ранее, состоя на протяжении многих лет священником церкви при русском посольстве в Лондоне, определенно участвовал в деятельности английских лож и приобщал к ней приезжих русских — гостей посольства¹. Другим адресатом, которому Лебедев писал

¹ В 1778 г. граф Н.С. Мордвинов (в будущем — адмирал и видный государственный деятель, а тогда — морской офицер), только что вернувшийся в Россию после трехлетней учебы в Англии, писал Самборскому в Лондон с просьбой прислать оставленные им там «украшения». При этом, по-видимому, в целях «конспирации» он переходит отчасти на английский и прибегает к иносказаниям: просит, например, в одном из писем прислать «мои украшения of Royal Archer», что, на первый взгляд, означает «украшения королевского лучника», но для посвященного читается как «украшения члена [компаньона] Королевской Арки», то есть высшей степени «древнего масонства» (см. о ней: [Пятигорский 2009: 167–208]). В другом письме Мордвинов пишет: «Украшения мои, the Ruband & the Worshiper of God &

из Индии и к кому лично обращался за помощью в Лондоне, был русский посол граф С.Р. Воронцов (1744–1832), всю жизнь оставшийся активным масоном (см.: [Cross 1980: 315; Серков 2001: 201, 959 и др.]).

Недавно впервые опубликованы [Васильков 2012] письма Г.С. Лебедева И.Ф. Крузенштерну (1770–1846), которые хранятся в РГА ВМФ (Ф. 14, оп. 1, д. № 221, л. 93–102). Будущий начальник первой русской кругосветной экспедиции, видный военно-морской деятель и адмирал, Крузенштерн в ту пору был молодым офицером, проходившим стажировку в качестве волонтера на британском 30-пушечном фрегате “L’Oiseao”. Оказавшись в Калькутте, он познакомился и подружился там с Лебедевым, который был уже разорен и подвергался всевозможным преследованиям. Из писем можно заключить, что именно благодаря ходатайству Крузенштерна генерал-губернатор Джон Шор в конце концов распорядился принять Лебедева почти бесплатным пассажиром на судно Ост-Индской компании, которое направлялось в Англию. Влиятельность же молодого офи-

the Citizen of the World, пришлите *consi(g)ned to Mr Hynam; I will go here in my glory*” (РО ИРЛИ РАН (ПД). Ф. 620, № 127, л. 4 об.). Э. Кросс считал эти строки свидетельством принадлежности Мордвинова к братству; он предположил также, что the Ruband — это название книги, а прочее не комментировал [Cross 1980: 268, 315]. Следует, однако, учесть, что главным украшением — «Драгоценностью» (Jewel) посвященного «компаньона» ордена Королевской арки — была носимая на особой ленте золотая медаль. Она представляла собой два вписанных в круг, переплетенных треугольника, на одном из которых имелась латинская надпись: *inventimus cultor dei civis mundi*; ее традиционный английский перевод: «We have found the Worship of God, o Citizen of the World» [Perfect Ceremonies 1907: 63]. Таким образом, Н.С. Мордвинов, чтобы затемнить смысл для непосвященных, косвенно называл главную орденскую эмблему, цитируя (правда, не совсем точно) надпись на ней; слово Ruband, возможно, является условным обозначением священной ленты — Ribbon. Для того чтобы понять смысл иносказания, А.А. Самборский должен был и сам, разумеется, быть членом Ордена. «Мистер Хайнем» — друг А.А. Самборского, устроенный им на должность придворного часового мастера в Санкт-Петербурге. Слова «I will go here in my gloгу» выражают намерение Мордвинова покрасоваться в эмблеме «Королевской арки» перед «братьями» в российских ложах.

цера-иностранца объясняется, вероятно, тем, что он получил прямой доступ к высоким чинам местной администрации через масонскую общину: по данным современных исследований всякий иноземный путешественник, прибыв в Калькутту или другой крупный колониальный центр в Азии, прежде всего направлялся в масонскую ложу, так как это был лучший способ завоевать расположение местной элиты [Karpel 2001].

Позднее, в 1819–1820 гг. Крузенштерн участвовал в работах ревельской ложи «Zu den drei Streithammern» (его подпись стоит под протоколами заседаний. См.: СПбФ АРАН. Ф. 87, оп. 4, ед. хр. 9, л. 82 об., 111, 112, 180, 186, 198, 200)² и был дружен с возглавлявшим ее бургомистром К.Й. Залеманом; велика вероятность того, что и в молодости он не был чужд масонству.

Среди русских моряков тогда было много масонов [Соколовская 1907]; связи по этой линии были особенно полезны русским морякам, стажировавшимся на британских судах. Друг Крузенштерна Ю.Ф. Лисянский (знакомый Лебедева по Южной Африке) оставил в своем «Журнале» запись о посещении им в 1793 г. в Лондоне «концерта масонского братства» [Козлов 2007: 60]. Любимый командир и учитель молодого Крузенштерна, героически павший на глазах ученика в битве при Эланде и завещавший ему проект кругосветного плавания, — Г.И. Муловский (см. о нем: [Давидсон, Макрушин 1979: 231–246]), был членом «ложи Нептуна» в Кронштадте [Соколовская 1907: 232, 241, 249, 252] и, вероятно, ряда иностранных лож.

В относительно недавно опубликованном (и пока еще не вошедшем в круг привлекаемых биографами Лебедева источников) его письме из Лондона А.Б. Куракину от 11 / 27 июня 1801 г. [Дружинин 2002: 190–191]³ упоминается еще один знакомый Лебеде-

² Указанием на этот фонд я обязан родственнику великого мореплывателя Алексею Крузенштерну.

³ Это письмо, до сих пор, как сказано, не привлекавшее внимания исследователей, богато важной информацией. В частности, Лебедев сообщает Куракину, что во всех странствиях он «с обожением» хранил его портрет, подаренный во Франции. Объяснить, почему высокопоставленный вельможа, знаменитый «бриллиантовый князь» подарил свой портрет безродному музыканту, можно лишь тем, что в масонских ложах сословные различия

ву русский моряк, взявшийся отвезти письмо в Петербург, — Петр Иванович Рикорд (1776–1855), впоследствии выдающийся российский мореплаватель, адмирал, дипломат и ученый. О его принадлежности к масонству есть вполне определенные данные [Соколовская 1907: 234].

Нельзя не упомянуть и еще об одном известном русском историческом деятеле, который оказал Лебедеву неоценимую помощь, будучи связан с ним, скорее всего, именно по масонской линии. Когда Лебедев после 25-летнего отсутствия вернулся на родину, он обнаружил, что никто здесь о нем не помнит. Императора Павла уже не было в живых, а ведь Павел лучше всех в России знал о том, с какой миссией Лебедев был послан в Индию. Единственную надежду получить признание и хоть какую-нибудь награду за труды могла бы дать Лебедеву встреча с новым императором — Александром Павловичем. Но получить доступ к нему было, казалось бы, невозможно. И тут в судьбу Лебедева вмешался Михаил Илларионович Кутузов (1745–1813), в будущем — национальный герой России, победитель Наполеона. В то время, в 1801–1802 гг. Кутузов был военным губернатором Санкт-Петербурга. По-видимому, он воспользовался тем, что каждое утро должен был входить к царю с докладом, и во время одного из своих утренних докладов представил царю Лебедева. После того как император распорядился устроить Лебедева на хорошую должность с большим жалованием, Кутузов продолжал помогать ученому: он дважды обращался к государственному секретарю Трощинскому с просьбой отнестись к Лебедеву при его трудоустройстве со всей возможной благосклонностью [Овчинников 1960: 77; Русско-индийские отношения 1965: 495–497]. При этом надо иметь в виду, что Кутузов был «вольным каменщиком» [Серков 2001: 991].

Суммируя, можно сказать, что все представители российской знати, военные и государственные деятели того времени, к которым Лебедев когда-либо обращался за помощью, были, практиче-

в той или иной мере снимались, а у «братьев» был обычай дарить друг другу свои портреты, чем иногда объясняют бурный расцвет портретной живописи в России второй половины XVIII века.

ски без исключения, масонами. Подтверждается ли фактами другое предположение Н.В. Гурова: о том, что Лебедев и в Индии, как прежде в Европе, мог пользоваться поддержкой масонского братства?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо составить четкое представление о культурной и социальной жизни британской Калькутты в 1780–1790-х гг. По счастью, этот период освещен достаточным количеством мемуарной и исторической литературы. Но бóльшая часть полезной информации получена мною в ходе работы по командировке МАЭ РАН в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. Самым ценным источником явились хранящиеся здесь подшивки калькуттских газет того времени (“*Calcutta Chronicle and General Advertiser*”, 1788 и 1790 гг., “*The India Gazette*”, 1790 и 1792 гг.). Содержащиеся в них сведения о концертной деятельности Лебедева, по-видимому, отсутствовали в газетах, изученных Х. Мамудом в Калькутте и Лондоне, и хорошо дополняют собранные им материалы.

Знакомство с калькуттскими газетами конца 1780-х — начала 1790-х годов позволяет заключить, что «вольные каменщики» играли активную и весьма значительную роль в общественной жизни города. Например, в каждом номере еженедельной газеты “*Calcutta Chronicle and General Advertiser*” публиковалось стандартное напоминание Великого магистра местной ложи «Усердие и постоянство» (“*Industry and Perseverance*”) о том, что в субботу вечером состоится очередное собрание братьев в Масонском зале собраний. Регулярно публиковались в газетах новости о наиболее важных событиях в жизни масонских общин Бомбея и Мадраса. В январе 1778 г., в день Св. Иоанна “*The Calcutta Gazette*” описывала совместное шествие всех калькуттских лож к Новой церкви, священник которой, преподобный мистер Джонсон, сам «вольный каменщик», прочитал «историческую проповедь», в которой возводил происхождение масонского братства к Древнему Египту [Seton-Karr 1864: 243].

В апреле 1790 г. “*The India Gazette*” писала о совместном обращении масонов Калькутты к правительству с просьбой предоставить участок земли для строительства нового Дома масонских собраний (*Masons' hall*), в котором одновременно могла бы функ-

ционировать фондовая биржа, а в качестве компенсации за землю правительству предоставлялась бы возможность устраивать в нем балы. Власти провинции приняли предложение масонов (India Gazette. Vol. X. No. 490. 1790. April 5). До этого масонские заседания и банкеты проходили часто в «Гармонической таверне» (Harmonic Tavern), называвшейся также по имени одного из ее владельцев «таверной месье ле Галлэ (Le Gallais)», — месте, где проходили в то время все собрания городской общности. В этой же таверне состоялись и несколько «подписных» концертов Лебедева.

Культурная жизнь Калькутты в эти годы была интенсивной и многообразной. Почти в каждом номере основных еженедельных газет можно было встретить оповещения о предстоящих концертах или театральных премьерах, а также критические отзывы о них. Одновременно с Лебедевым в Калькутте работал целый ряд незаурядных музыкантов и композиторов из Европы. В их числе можно упомянуть, например, Уильяма Хэмилтона Бёрда, опубликовавшего в 1789 г. “Oriental Miscellanea” — первое собрание индийских мелодий в переложении для клавесина⁴; а также немецкого органиста Карла Тринкса; музыканта, дирижера и педагога, очевидно немецкого происхождения, Ёмэ (Oehme); француза Моро (Moreau).

Исполнялась чаще всего музыка прославленных и особенно популярных в Англии Генделя и Гайдна, итальянских композиторов (например А. Корелли), но некоторые из калькуттских музыкантов сочиняли музыку сами. Все музыканты зарабатывали на жизнь уроками, играли в домах богачей и знати, на семейных торжествах, балах и т.п. Доходы от этого были невелики, и хорошему музыканту приходилось время от времени организовывать через своих знатных покровителей «подписной концерт», т.е. концерт-бенефис, билеты на который распространялись по подписке,

⁴ У.Х. Бёрда в наши дни считают одним из пионеров особой науки: этномузыкологии [Вор 1988: 56]. Г.С. Лебедев, автор «Индийской серенады», использовавший в своем театре индийскую музыку, исполнявшуюся на традиционных и европейских инструментах, также мог бы, наверное, считаться одним из зачинателей этномузыкологии.

и какая-то часть выручки доставалась музыканту. Кроме самого музыканта, для которого устраивался бенефис, в таком концерте обычно принимали участие его коллеги по профессии, а также ученики.

Несмотря на острую конкуренцию, Лебедеву удалось занять вполне достойное место в музыкальной жизни Калькутты. Уже в первые дни его пребывания в городе, 13 сентября 1787 г. “The Calcutta Gazette” оповестила читателей о прибытии «джентльмена, прославленного своими музыкальными способностями», и в последующие несколько лет газеты не скупилась на похвалы [Chakrabarti 1989: 11–16]. В течение своего десятилетнего пребывания здесь он дал десять концертов, большинство из которых, если не все, были «подписными». В одном из таких концертов выступали его ученики из знатных калькуттских семей («дамы и господа, которые оказали ему услугу своим содействием», — писала “Calcutta Chronicle” в августе 1788 г.).

В марте 1790-го Лебедев сам участвовал в «подписном» концерте в пользу У.Х. Бёрда, который оказался, судя по газетам, в отчаянном финансовом положении⁵. Газетная рецензия, всячески превознося мастерство дирижировавшего оркестром и солировавшего на скрипке и пианофорте господина Миллера, дает очень скупую, но важную информацию об участии Лебедева: “Mr. Lebedeff marked the music most characteristically; and, in his concerto, showed great knowledge of the [cello’s] finger-board” («Исполнение музыки господином Лебедевым было отмечено исключительным своеобразием, а при исполнении *своего концерто* он продемонстрировал великолепное знание грифа [виолончели]»). Возможно, здесь имеется в виду, что Лебедев играл *концерто* Бёрда или иного композитора, который он выбрал для исполнения; но весьма вероятно и то, что он мог играть *концерто собственного сочинения*, и следовательно, Лебедев во время своего пребывания в Калькутте сочинял произведения в этом популярном жанре европейской музыки того времени.

⁵ Годом позже Лебедев участвовал в подписном концерте в пользу другого музыканта, месье Моро [Māmūd 2010: 346].

Кто же помог Лебедеву добиться признания в музыкальном мире Калькутты? Ведь без сильной поддержки это вряд ли было возможно⁶. Из газетных материалов видно, что нередко музыканты или актеры добивались успеха благодаря поддержке именно со стороны масонских общин. Например, в апреле 1790 г. “The India Gazette”, сообщая о предстоящем бенефисе актрисы Калькуттского театра госпожи Хьюз, писала: «Мы можем предсказать, что зал будет полон по нескольким причинам <...> [В частности], можно предвидеть благосклонное покровительство Масонского Ордена по отношению к [госпоже Хьюз как] вдове одного из Братьев, и они, несомненно, окажут ей в этом случае поддержку, особенно если вспомнить, какое необычное великодушие они прежде проявили к джентльмену, все заслуги которого перед этим Поселением сводились к тому, что он являлся членом Братства».

В некоторых сочинениях Лебедев с благодарностью упоминает имена своих благодетелей и, как он называет их, «друзей»⁷, которые сопровождает непременно титулами и иными обозначениями социального статуса, например: «капитан Уильям Сидденхэм, в то время военный комендант Мадраса», «полковник Александр Кид, в то время мэр Калькутты», «покойный почтенный судья Хайд», «почтенный советник Компании Джон Шоу, эсквайр» [Lebedeff 1801: II, III]. Из числа лиц, с которыми Лебедев был связан и к кому обращался за помощью в Калькутте, почти все были не только чиновниками правительства или Ост-

⁶ Об участии музыкантов в Калькутте современник Лебедева, находившийся там в те же годы, писал: «Да, случается, что какая-нибудь знаменитость, имея высоких покровителей, обретает здесь и славу и деньги. С другой стороны, можно предоставить нескончаемый список лиц, прошедших через многие унижения, но так и не получивших возможности продемонстрировать перед публикой свои скромные таланты. Они добивались этого годами, пока смерть не сжалилась над ними и не свела до времени в могилу» [Williamson 1810: 214; Māmūd 2010: 88, перевод Е.К. Бросалиной].

⁷ Я беру это слово в кавычки, поскольку те покровители Лебедева, которых он называл своими друзьями, не оказали ему помощи, когда он попал в беду, и потому не были в действительности достойны этого звания.

Индской компании, но также основателями или видными членами Азиатского общества (таковы, в частности, вышеупомянутый судья Хайд, генерал-губернатор Джон Шор, главный судья Верховного суда Роберт Чэмберс, главный налоговый инспектор Фрэнсис Глэдвин, старший торговый агент на службе Ост-Индской компании и член правления Налогового совета Берриш Крисп, секретарь канцелярии губернатора Эдвард Хэй, полковник Джон Мёррей). Предположительно многие из них могли быть членами Провинциальной Великой ложи Бенгалии, но если так, то Лебедев не имел права упоминать об этом, поскольку при вступлении в ложу каждый вольный каменщик давал обет молчания о внутренних делах Братства.

Особый интерес представляет для нас “Memorandum” Лебедева, написанный им по-английски в Калькутте, в 1797 г. [Русско-индийские отношения 1965: 431–438]. Этот текст, подробно описывающий постигшие автора бедствия, был предназначен для прочтения теми лицами, к которым Лебедев собирался обратиться за помощью, а может быть, обращен и в целом к общественности Британской Калькутты. Как мы уже знаем, люди, у которых Лебедев искал помощи, обычно были влиятельными масонами. Вероятно, и на сей раз он адресовал письмо прежде всего «братьям»-масонам, и был настолько откровенен, что едва не нарушил обет молчания.

В параграфе, содержащем благодарность покровителям за помощь в прошлом, Лебедев сначала написал, что признателен “... *to Mr Birch & Mrs Makenzie and to many others it being not <...> delicate to name them here.*” Кто такие *Mr Birch & Mrs Makenzie*? В текстах и бумагах Лебедева эти имена более не встречаются. Заслуживает внимания то, что имена даны здесь без всяких титулов и указаний статуса. И это не случайно. Адресаты «Меморандума» должны были и без дополнительных разъяснений знать, что это за люди. Найти эти два имени удалось в книге, специально посвященной ранней истории калькуттского масонства [Firminger 1906]. *Mr Birch* — это, по-видимому, *Richard Comyns Birch*, который в 1780-х годах был активным членом Провинциальной Великой ложи и пользовался всеобщим уважением как большой знаток масонских традиций, а в 1790-х, как раз во время

написания «Меморандума», был Провинциальным Великим мастером. Что касается фамилии *Mackenzie*, то ее носитель, Джон Макензи, был заместителем Великого мастера (Deputy Grand Master) в 1786–1788 гг., т.е. в то время, когда Лебедев приехал в Калькутту. «Миссис Макензи», скорее всего, относится к его супруге⁸. Следовательно, называя эти два имени, Лебедев хотел тем самым намекнуть, что в прошлом его деятельность поддерживали высшие фигуры в масонской иерархии. Но в последний момент он осознал, что всякое прямое упоминание о его масонских покровителях будет “*not delicate*” — неделикатным, и в окончательной версии «Меморандума» оба эти имени оказались зачеркнуты.

На полях своего скорбного сочинения Лебедев сделал приписку: он лишь потому обратился за помощью к отдаленно ему знакомому главному судье Верховного суда Р. Чэмберсу (который ему в помощи отказал), что к этому времени ни Уильяма Джонса, ни, как он пишет, «моего особливового (*very particular*) друга и покровителя» Джона Хайда (оба — судьи Верховного суда) не было в живых. Судья Хайд действительно покровительствовал Лебедеву. Между Лебедевым и Уильямом Джонсом, если судить по тексту приписки, тоже существовали некоторые особые отношения, которые, однако, не могли быть дружескими: уж слишком велик был разрыв в социальном положении и общей культуре (к тому же, в опубликованных письмах и других материалах Джонса не удалось пока найти ни одного упоминания о Лебедеве). Это не могли быть также и отношения уважающих друг друга ученых-филологов: Джонс никогда бы не принял лебедевских «открытий» в области санскрита и его произношения, а Лебедев в своей «Грамматике» прямо атаковал позиции уже покойного к тому времени Джонса. Но все же какие-то отношения между ними были, и на первых порах, возможно, со стороны Джонса — покровительство. Заметим, что в мировоззрении основателя Азиатского общества и его взглядах на историю мировой культуры

⁸ Согласно надписям на надгробиях членов семьи Макензи на Южном кладбище Парк-стрит в Калькутте, ее имя было Элизабет [Bengal obituary 1851: 76, 99].

было нечто, сближавшее его с Лебедевым. Например, вполне органичная для последнего идея о том, что древняя ученость некогда распространилась из Индии в Египет, Китай, Грецию и Италию, по-видимому, почерпнута из трудов У. Джонса (см., например, «Беседу десятью: о Происхождении и Семьях Народов», прочитанную Президентом в Азиатском обществе 23 февраля 1792 г. [Asiatic Researches 1801: 479–492]).

Так не было ли мировоззрение Джонса тоже, хотя бы отчасти масонским? Указание на такую возможность обнаруживается в довольно неожиданном месте: на старом английском кладбище в центре Калькутты (South Park Street Cemetery). Обелиск на могиле Джонса является здесь самым высоким, красивым, почитаемым и ухоженным (рис. 1). На нем помещена поэтичная эпитафия, выражающая идеалы, близкие масонским⁹. Наибольший интерес представляет единственный декоративный элемент на обелиске: рельеф, изображающий погребальную урну на фоне двух скрещенных лопат (рис. 2). Из одного переиздания путеводителя по кладбищу в другое переходит странное объяснение мотива скрещенных лопат: это, якобы, дань искусству Джонса как археолога. Однако если даже Джонс и проявлял какой-то интерес к археологии (сведений о чем мне не встречалось), на фоне его огромных заслуг перед мировой лингвистикой и филологией это не имело никакого значения. Похоже, «археологическое» объяснение — это продуманная дезинформация, призванная отвлечь внимание непосвященных от подлинной символики рельефа.

В книге, посвященной обрядности ордена «Королевской Арки», на которую мы уже ссылались (см. примеч. 1), говорится, что вся символика этой традиции связана с историей строительства Второго Иерусалимского храма. Киркой разбивали груды слежавшегося мусора и камней на месте старого храма — и в ри-

⁹ «Здесь покоится брменная часть человека, / который страшился Бога, но не смерти, / и сохранял независимость, / но не искал богатств. / Кто не мнил ниже себя никого, кроме подлых и неправедных /, и выше себя — никого, кроме мудрых и добродетельных». Далее сказано, что главным делом всей жизни У. Джонса было самосовершенствование (improvement of Mind).

Рис. 1. Обелиск на могиле Уильяма Джонса.
Южное кладбище на Парк-стрит, Колката

Рис. 2. Рельеф с символическим изображением на обелиске У. Джонса

туале звук удара кирки служит символом звука трубы, возвещающей день Страшного Суда. Лом использовали для перемещения крупных камней — в ритуале лом символизирует восстание мертвых из могил и устремление их по вертикали ввысь, перед лицо Судии. И, наконец, лопатами окончательно расчищали площадку для нового строительства, выбрасывая прочь весь мусор. Поэтому знак лопаты играет исключительную роль в погребальной обрядности «Королевской Арки». Лопата, а тем более две лежащие на земле скрещенные лопаты в сочетании с погребальной урной, это — символ того, что «весь телесный мусор отброшен» и дух усопшего «готов вознестись к бессмертной и вечной жизни» [Perfect Ceremonies 1907: 45]. Символика рельефа, таким образом, является масонской и, в то же время, перекликается с содержанием эпитафии на обелиске (см. примеч. 9).

Как показывают современные исследования, деятельность Джонса, с одной стороны, открывавшая новые научные направления и содействовавшая высвобождению востоковедения из-под власти теологии, с другой стороны, и сама была в известной мере

теологичной [App 2009: 77]. Джонс, как и Лебедев, считал главной задачей согласовать впервые открывшиеся перед европейцами, поражавшие своей древностью и философской глубиной индийские источники с библейской картиной мировой истории. В нескольких президентских речах (Discourses) на заседаниях Азиатского общества Джонс попытался, ни много ни мало, гипотетически проследить происхождение и распространение по миру человеческих языков, мифов и религий. Как и Лебедев, Джонс полагал, что божественное Откровение в его самом чистом и неискаженном виде было дано Богом первочеловеку Адаму при сотворении мира [App 2009: 75]. После потопа человечество — потомство трех сыновей Ноя и, соответственно, некоего единого пранарода — распространялось из одного центра на территории древнего Ирана. При этом оно в массе своей утратило богооткровенную перворелигию, обратившись к политеистическому мифотворчеству и идолопоклонству. За пределами библейско-христианского наследия только в таких текстах, как веды и упанишады, комментарии к ним Шанкары, стихи суфийских поэтов, сочинения индийских и греческих философов, можно уловить, полагал Джонс, отдаленное эхо допотопного, «адамического» прамотеизма [App 2009: 76].

Картина религиозной истории человечества, начертанная Джонсом, в целом сходна, как мы видим, с такой же картиной в представлении Лебедева, и совпадает при этом с основополагающими концепциями масонской доктрины. Разница лишь в акцентах, но она влечет за собой очень серьезные следствия. Джонс полагал, что наследие перворелигии представлено только в некоторых текстах древности, современный же индуизм есть продукт деградации, и ожидать от современных индийцев правильной интерпретации древних религиозных текстов не приходится. Лебедев, напротив, считал современный индуизм вполне достоверным, лишь слегка затемненным «некоторыми суевериями предков и пришельцов» (БС), выражением «первоначального христианства», а потому обращался за сведениями о санскрите и за разъяснением древних текстов к бенгальским учителям.

Именно эта линия поведения Г.С. Лебедева привела его, в конце концов, к разрыву с калькуттской британской элитой и после-

дующей катастрофе. Когда же он оказался в беде, никто из его прежних покровителей и единомышленников-масонов не пришел на помощь. Непосредственных причин этому было несколько.

Во-первых, Лебедев постоянно демонстрировал, что он всей душой принял масонскую идею равенства всех людей, верил в единство человечества и происхождение всех великих религий из единого источника. Между тем сознание британских масонов, «строителей Империи», изначально было отмечено двойственностью (см., например: [Harland-Jacobs 2007: 97]). Признавая в теории равенство всех людей, они в условиях колониального быта на практике дискриминировали индийцев по расовому и религиозному признакам, порой бесчеловечно обращаясь и с ними, и с ввозимыми из Африки рабами¹⁰. Эмоциональный Лебедев не раз проявлял по этому поводу негодование. Надо отметить, что к концу 1780-х годов, когда Лебедев прибыл в Калькутту, отношение британцев к индийцам значительно ухудшилось по сравнению с предшествующим периодом. В частности, если раньше дети от смешанных англо-индийских браков могли получать образование в Англии и принимались на службу в Ост-Индской компании, то указами 1786 и 1791 гг. это было запрещено. Более того, всякие личные контакты европейцев с индийцами вызывали с этих пор неодобрение властей (см.: [Dalrimple 2002: 39–40]). Лебедев, который не только дружил с индийцами, учился у них, но и основал совместно с представителями бенгальской интеллигенции первый индийский театр европейского типа, открыто пошел против этой тенденции.

Во-вторых, Лебедев бросил вызов единственному в городе «Калькуттскому театру», работавшему с 1775 г., испросив у генерал-губернатора разрешение на постановку не только бенгальских, но и английских пьес. Он нанял двух актрис-англичанок

¹⁰ Справедливости ради заметим, что и среди русских масонов из числа знати встречались жестокие крепостники и идеологи крепостничества (например И.А. Поздеев [Вернадский 1999: 255, 261]). Но другие, следуя масонским идеалам, отпускали своих крестьян на волю или открыто выступали против крепостного права (А.Н. Радищев).

и приступил к подготовке музыкального спектакля («оперы») «Дезертир» на английском языке. Несомненно, это послужило толчком, побудившим руководство английского театра (пайщиками которого были некоторые видные чиновники Ост-Индской компании [Ямпольский 1973: 253]) затеять интригу против опасного конкурента.

Наконец, Лебедев вступил в конфликт с прославленным Азиатским обществом. Как он сам вспоминал впоследствии, уже в поставленной им пьесе «Притворство» на бенгальском нашлось нечто, вызвавшее неудовольствие «учащих гиндостанские языки и переводчиков» (письмо А.А. Самборскому от 8 мая 1797 г. [Русско-индийские отношения 1965: 445]). В месяцы, последовавшие за вторым представлением пьесы, Лебедевым все больше овладевало желание начать полемику с учеными Азиатского общества о том, как правильно должна звучать санскритская речь. От своих наставников (Голокнатха Даса и других) он усвоил принятое в Бенгалии произношение санскрита и с этой позиции готов был подвергнуть критике школу уже покойного к этому времени Уильяма Джонса, который перенял от своих наставников¹¹ северное произношение санскритских слов (оно и стало впоследствии нормой для европейских индологов). Хотя письмо Лебедева президенту Азиатского общества, генерал-губернатору Джону Шору, с предложением обсудить данный вопрос отправлено не было (по совету друзей), вряд ли можно сомневаться в том, что точка зрения Лебедева стала хорошо известной в Калькутте. Он не скрывал, в частности, своего намерения поставить вскоре в своем театре санскритскую пьесу для того, чтобы британские санскритологи могли учиться правильному произношению. Впоследствии в книге, которую Лебедев опубликовал в Лондоне, он выступил с критикой Джонса и его школы [Lebedeff 1801: XVI–XX].

¹¹ Это были Говардхана Каул, кашмирский брахман, и пандит Рамалочана, преподававший санскрит в университете Надии, из касты врачей (вайшья), по варне вайшья, — тоже, по-видимому, выходец с Севера [Cannon 1990: 227, 229–230, 256, 263–264, 267, 273–285]. До знакомства с ними сам Джонс произносил санскритские слова по-бенгальски.

Вопреки мнению, опрометчиво высказанному в свое время К.А. Антоновой¹², Лебедев был, конечно, неправ в заочном споре с Джонсом; однако достойны уважения его лояльность и преданность по отношению к своим бенгальским наставникам, точку зрения которых он усвоил и отстаивал, что в конечном счете навлекло на него жестокие преследования.

В своей монографии «Герасим Степанович Лебедев» и позднее на Международном семинаре в Колкате в феврале 2011 г. Х. Мамуд высказал предположение о том, что главной причиной гонений на Лебедева было отнюдь не «финансовое соперничество двух театров» (хотя оно и имело место), а необъяснимое в глазах англичан поведение Лебедева (его сближение и солидарность с индийцами), которое заставило власти заподозрить в нем «русского шпиона» [Māmūd 2010: 96]. Уже упоминавшиеся выше пять писем Лебедева к И.Ф. Крузенштерну (1770–1846) из Российского государственного архива Военно-морского флота (Ф. 14, оп. 1, д. № 221. Л. 93–102)¹³ содержат новую информацию, вполне подтверждающую это предположение бангладешского ученого.

Из писем выясняется, во-первых, что администрация Ост-Индской компании согласилась отпустить Лебедева из Калькутты именно в результате заступничества Крузенштерна: в первом же письме, от 29 ноября 1797 г., уже с борта корабля «Лорд Терлоу», стоявшего на рейде недалеко от Калькутты, Лебедев благодарит друга за «доброе расположение и ходатайство».

Во-вторых, из того же письма ясно, что уже в первый день на борту Лебедев встретил настолько враждебное отношение к себе со стороны капитана и офицеров корабля, что просил Крузенштерна в случае, если он не сойдет с корабля живым, вытребо-

¹² «С фонетической стороны санскрита Джонс, привыкший к звукам английского языка, не справился, как на то указывал еще Лебедев» [Антонова 1958: 306].

¹³ См.: [Васильков 2012]. Ранее, в 1967 г., эти письма уже были обнаружены в архиве ВМФ ленинградским индологом-историком В.В. Перцмакером. Небольшая заметка об этой находке появилась 26 ноября того же года в газете «Правда». Однако публикации писем за этим не последовало, и о них надолго забыли.

вать у капитана его рукописи и передать их в Петербургскую академию наук. Это дает основание предположить, что генерал-губернатор Джон Шор, отдавая капитану Томсону распоряжение взять Лебедева пассажиром до Лондона практически бесплатно, присовокупил к этому некоторое устное предупреждение о том, что пассажир — подозрительная личность, возможно — шпион, за которым следует присматривать¹⁴.

Проясняется из писем и имевшая место 21 декабря 1797 г. ситуация, давшая повод офицерам корабля перейти от сдержанной враждебности к избиениям Лебедева и издевательствам над ним. В одном письме Лебедев жалуется, что неприятности на судне мешают ему наблюдать «заливы моря и положение приятных мест», о которых он поэтому не может «сделать лучшее известие». Это означает, что Крузенштерн, который в это время уже задумал проект установления пути морской торговли напрямую между Россией и Индией, просил Лебедева отмечать по пути удобные гавани и другие достопримечательности маршрута. Этим был, вероятно, и вызван вопрос Лебедева к одному из офицеров: «На какой широте мы сейчас находимся?», после чего первый помощник, придя в ярость, в первый раз избил его. Для англичан вопрос Лебедева послужил, очевидно, доказательством его «шпионства», что объясняет и дважды произнесенную капитаном Томсоном фразу: «Ты заслуживаешь того, чтобы тебя повесили» [Русско-индийские отношения 1965: 468–469].

Жизни Лебедева на «Лорде Терлоу» угрожала реальная опасность, и спастись ему помогла только заранее задуманная уловка. Еще в письме от 10 декабря 1797 г. он писал Крузенштерну, что на корабле находятся в качестве пассажиров три британских генерала и один полковник и что их присутствие при необходимости, возможно, смягчит жестокость капитана и офицеров корабля. Такая необходимость возникла 11 февраля 1798 г., когда команда, прибыв накануне в Кейптаун, готовилась сойти на берег. Попро-

¹⁴ Ср. слова Х. Мамуда: «Такая беспричинная целенаправленная травля ни в чем не повинного, одинокого и беспомощного человека могла объясняться только одним: корабельное начальство получило в Калькутте соответствующие инструкции» [Māmūd 2010: 125].

сив у капитана разрешения покинуть корабль и получив отказ, Лебедев в присутствии трех генералов, начальника гавани, кейптаунского врача и многих других лиц упал на колени и потребовал внятно объяснить ему, в чем его обвиняют и за что подвергаются столь жестокому обращению. Капитан не смог выдвинуть против Лебедева каких-либо конкретных обвинений и потому был вынужден разрешить своему пленнику сойти на берег.

Таким образом, письма Г.С. Лебедева И.Ф. Крузенштерну существенно подкрепляют высказанное профессором Х. Мамудом предположение, согласно которому преследование русского музыканта и ученого было инициировано и организовано колониальными властями Калькутты. Нестандартное поведение Лебедева заставляло чиновников Ост-Индской компании подозревать в нем «русского шпиона», при том что никаких конкретных доказательств этого они представить, разумеется, не могли. Будь у них хоть малейшее свидетельство в подтверждение «шпионства» Лебедева, его неминуемо ожидало бы то, чем угрожал ему капитан «Лорда Терлоу», — казнь через повешение.

В заключение вернемся к заданной Н.В. Гуровым теме масонских связей и масонского мировоззрения Г.С. Лебедева. Разумеется, отталкиваясь от свойственного учению «вольных каменщиков» представления о едином происхождении и единой основе всех религий, Лебедев заходил слишком далеко, когда видел в индуизме слегка затемненное мифологией и «суевериями» первоначальное христианство. Но это же представление позволяло ему подходить к религии индийцев без конфессиональной предубежденности¹⁵. Отнюдь не случайным совпадением является то, что так или иначе разделяли масонское мировоззрение трое европейских ученых, практически в одно и то же время закладывавших

¹⁵ Если большинство современников-европейцев видело в индуизме лишь «язычество» и «идолопоклонство», то Лебедев, рассматривая индуизм в контексте масонских идей, смог увидеть в образах индийских божеств глубокий религиозно-философский символизм. По сути дела, противостоя господствовавшим взглядам, Лебедев воспринимал индуизм как одну из великих мировых религий (в привычных нам терминах: одну из постаксиальных, сотериологических религий) — именно так, как определяет индуизм современное религиоведение.

основы индологии как науки: россиянин Герасим Лебедев, британец Уильям Джонс и француз А.И. Анкетиль дю Перрон (1731–1805)¹⁶.

Библиография

- Антонова К.А.* Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958.
- Бросалина Е.К.* Г.С. Лебедев и Бхаротчондро Рой: перекрестки судеб // Герасим Лебедев и его время. Международная научная конференция 15–16 декабря 2009 г.: Докл. и сообщ. Ярославль, 2010. С. 35–36.
- Бросалина Е.К., Сладков А.Л.* Рукопись Г.С. Лебедева «Красота учености» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIII: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 2009. С. 92–100.
- Васильков Я.В.* Частичный пересказ «Бхагавадгиты» в «математической» рукописи Герасима Лебедева: предварительное сообщение // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. 19–21 июня 2006 г. СПб., 2006. С. 30–37.
- Васильков Я.В.* Интерпретация индуизма Герасимом Лебедевым и мировоззрение масонства эпохи просвещения // Идеалы, ценности, нормы: VI Междунар. науч. конф. по востоковедению (Торчиновские чтения) / Сост. и отв. ред. С.В. Пахомов. СПб., 2010. С. 359–371.
- Васильков Я.В.* Новые данные о Герасиме Лебедеве в Калькутте конца XVIII века и о мировоззрении Уильяма Джонса // *Laurea Lorae*: Сб. памяти Ларисы Георгиевны Степановой / Отв. ред. Ст. Гардзонио, Н.Н. Казанский, Г.А. Левинтон. СПб., 2011. С. 164–187.
- Васильков Я.В.* Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну // Памятники письменности Востока. 2012. Т. 16. № 1. С. 188–206.
- Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999.

¹⁶ О его принадлежности к масонству см.: [Kenning, Woodward 1878: 30], краткие сведения о жизни и деятельности в кн.: [Антонова 1958: 302–304]. Любопытно, что Анкетиль дю Перрон находился в Париже в одно время с Лебедевым: он делал один из докладов на заседании Королевской академии литературы, которое посетили «граф и графиня Северные» 7 июня 1782 г. (Куракин 2004: 416–420, 472–474); в последней фразе доклада говорится о «высшей гармонии», которую «великий Архитектор Вселенной» (специфически масонское определение Бога) «поставил править составляющими ее частями».

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

Гагарин Г. Забавы уединения моего в селе Богословском. М., 2002.

Герасим Лебедев и его время. Международная научная конференция 15–16 декабря 2009 г.: Докл. и сообщ. Ярославль, 2010.

Гуров Н.В. Почему Герасим Лебедев поехал в Индию? (Еще раз об истоках отечественной индологии) // Востковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. XXV Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». 22–24 апреля 2009 г.: Тез. докл. СПб., 2009. С. 159–160.

Гуров Н.В. Новое о Герасиме Лебедеве: Почему Герасим Лебедев поехал в Индию? // Герасим Лебедев и его время. Международная научная конференция 15–16 декабря 2009 г.: Докл. и сообщ. Ярославль, 2010. С. 124–126.

Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М., 1979.

Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М., 2002.

Козлов С.А. Путевые записки Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна 1793–1800. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света. СПб., 2007 (Серия «Русский путешественник эпохи Просвещения». Т. 3).

Крючкова Е.Р. «Арифметическая» рукопись Герасима Лебедева // Laugae Logae: Сб. памяти Ларисы Георгиевны Степановой / Отв. ред. Ст. Гардзонио, Н.Н. Казанский, Г.А. Левинтон. СПб., 2011. С. 188–197.

Куракин А.Б. Ежедневная записка пребывания их императорских высочеств в Париже в 1782 году // Русский Гамлет: [Сб. / Сост., послесл., имен. указ. к.и.н. А. Скоробогатов]. М., 2004. С. 373–490.

Лучинский Г. Франкмасонство в России // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; [под ред. проф. И.Е. Андреевского]. Т. 72. СПб, 1902. С. 509–514.

Мамуд Х. Герасим Степанович Лебедев. Ярославль, 2012.

Овчинников Р.В. Из истории русской индологии (Новые данные о биографии Г.С. Лебедева) // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 4 (22). С. 74–83.

Пятигорский А.М. Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. М., 2009.

Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сб. док. М., 1965.

Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.

Соколовская Т.О. О масонстве в прежнем русском флоте // Море. 1907. Год VI. № 1 и 2. С. 216–253.

Ямпольский М.И. Первый русский музыкант в Индии (Из истории русско-индийских связей) // Музыка народов Азии и Африки. Второй выпуск. М., 1973. С. 239–259.

App U. William Jones's Ancient Theology // Sino-Platonic Papers. 2009. July. № 191. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.sino-platonic.org.

Asiatic Researches, or Transactions of the Society instituted in Bengal... Vol. III. Printed verbatim from the Calcutta Edition. L., 1801.

The Bengal Obituary. Calcutta, 1851.

Bor T. The Rise of Ethnomusicology: Sources on Indian Music c. 1780 — c. 1890 // Yearbook for Traditional Music. 1988. Vol. 20. P. 51–73.

Cannon G.H. The life and mind of Oriental Jones: Sir William Jones, the father of modern linguistics. Cambridge; N.Y.; Melbourn; Sydney, 1990.

Chakrabartī A.K. Bhāratpremik Liyebedeph. Kalikātā, 1989.

Cross A.G. “By the banks of the Thames”. Russians in eighteenth century Britain. Newtonville (Mass.), 1980.

Dalrimple W. White Mughals: Love and Betrayal in Eighteenth-century India. N.Y., 2002.

Firminger W.K. The Early History of Freemasonry in Bengal and the Panjab. Calcutta, 1906.

Harland-Jacobs J.L. Builders of Empire: Freemasons and British Imperialism. 1717–1927. Chapel Hill, 2007.

Karpiel F. Freemasonry, Colonialism and Indigeneous Elites. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://historycooperative.org/proceedings/interactions/karpiel.html>). Дата обращения к ресурсу: 2009.

Kenning G., Woodford A.F.A. Kenning's Masonic Encyclopaedia and Handbook of Masonic Archaeology, History and Biography. L., 1878.

Lebedeff H. A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects, with Dialogs Affixed, Spoken in All the Eastern Countries... L., 1801.

Māmūd H. Gerāsīm Stepānavhich Liyebedeph. Dhākā, 2010.

Perfect Ceremonies of the Supreme Order of the Holy Royal Arch. L., 1907.

Seton-Karr N.S. Selections from Calcutta Gazettes. [Vol. I]. Calcutta, 1864.

Vassilkov Ya.V. From the history of Indian Studies in Russia: Gerasim Lebedev and the Freemasons // Bertil Tikkanen & Albion M. Butters (eds.). Pūrvāparaprajñābhinandanam. East and West. Past and Present. Indological and Other Essays in Honour of Klaus Karttunen. (Studia Orientalia 110). Helsinki, 2011. P. 317–330.

Williamson T. The East India Vade-Mecum; or Complete Guide to Gentlemen intended for the Civil, Military or Naval Service of the Hon. East India Company. Vol. II. L., 1810.

Список сокращений

Архив востоковедов ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РО ИРЛИ РАН (ПД) — Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом)

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук